

ЗАРОЖДЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ДЛЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОЛЖНОСТИ ПРОКУРОРА В РОССИИ

Жуков Г.К.

Прокуратура Новгородской области,
Великий Новгород, Россия
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия

В статье подвергаются анализу древнейшие законодательные акты Древнерусского государства, регулирующие порядок осуществления уголовного судопроизводства и, в частности, порядок возбуждения и осуществления уголовного преследования частными и должностными лицами. Чтобы выявить признаки зарождения прокуратуры и ее деятельности по уголовным делам, необходимо проанализировать, как осуществлялось уголовное преследование до возникновения должности прокурора в российской правовой системе. Это позволяет определить закономерности, связанные с эволюцией роли прокурора в уголовном процессе. Автор рассматривает причины зарождения в отечественной правовой системе публичных начал уголовного преследования в связи с постепенным переходом от обвинительной к розыскной модели уголовного процесса. Со времени зарождения государственности власть пыталась установить особые процедуры и правила для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении государственных преступлений и преступлений против общественной безопасности. Русская Правда, как первый отечественный свод законов, установила порядок розыска лица, совершившего преступление, похищенного им имущества и формы этой деятельности. В статье подвергаются анализу уголовно-процессуальные полномочия центральных и местных государственных органов и должностных лиц Новгородской и Псковской вечаевых республик, Московского царства, связанные с преследованием пре-

ORIGIN OF PUBLIC CRIMINAL PROSECUTION AS ONE OF BACKGROUND FOR ESTABLISHMENT PROSECUTOR POSITION IN RUSSIA

Zhukov G.K.

Public Prosecutor of Novgorod Region,
Veliky Novgorod, Russia
Saint Petersburg Law Institute (branch) of the
Procuracy University of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

The article analyzes the most ancient legislative acts of the Old Russian State, which regulate the procedure for carrying out criminal proceedings and, in particular, the procedure for initiating and conducting criminal prosecutions by private and public officials. To identify signs of the prosecutor's office origin and its activities in criminal matters, it is necessary to analyze how the criminal prosecution was carried out before the emergence of the prosecutor's position in the Russian legal system. This allows you to identify patterns associated with the evolution of the role of the prosecutor in the criminal process. The author considers the reasons for the emergence in the domestic legal system of public principles of criminal prosecution in connection with the gradual transition from the accusatory to the search model of the criminal process. Since the inception of statehood, the government has tried to establish special procedures and rules to prosecute those responsible for state crimes and crimes against public safety. *Russkaya Pravda*, as the first domestic code of laws, established the procedure for the search for the person who committed a crime, his property stolen and the form of this activity. The article analyzes the criminal procedural powers of central and local state bodies and officials of the Novgorod and Pskov veche republics, the Moscow kingdom, related to the prosecution of crimes, which can be correlated with the procedural figure of the state prosecutor. The search process is replaced by the indictment, and the initiation of criminal prosecution of persons who committed serious crimes is al-

ступлений, которых можно соотнести с процессуальной фигурой государственного обвинителя. Розыскной процесс сменяет обвинительный, и инициация уголовного преследования в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, допускается при отсутствии истца. Автор предпринимает попытку выявить закономерность между зарождением и развитием публичного уголовного преследования и учреждением должности прокурора в Российской империи в XVIII веке.

Ключевые слова: полномочия прокурора; правовая система Новгородской вечаевой республики; розыскной тип уголовного процесса; уголовное преследование; уголовное судопроизводство в Древнерусском государстве.

lowed in the absence of the plaintiff. The author attempts to identify the pattern between the emergence and development of public criminal prosecution and the establishment of the post of a prosecutor in the Russian Empire in the 18th century.

Keywords: powers of the prosecutor; legal system of the Novgorod Veche Republic; wanted type of criminal trial; criminal prosecution; criminal proceedings in the Old Russian state.

В России допетровского периода не существовало прокуратуры и должности прокурора. По мнению Н.В. Муравьева, само понятие об основных элементах прокурорского учреждения на тот период было чуждым, и оно не появилось «ни в целом виде своем, ни даже в отдельных проявлениях или признаках», при этом функция публичного преследования смешивалась с полицейскими и судебными функциями государства [Муравьев, 1889; 243-244]. Тем не менее, для объективной оценки роли прокурора в уголовном преследовании важно оценить положение, существовавшее в этой сфере до непосредственного возникновения указанного должностного лица в российской правовой системе и, таким образом, выявить отдельные признаки зарождения прокуратуры и соответствующей ее деятельности.

В юридической литературе отсутствует единое мнение относительно момента начала использования понятия уголовного преследования в российской юридической технике. Если применительно к зарубежному законодательству принято считать, что данный термин – «l'action publique» восходит к французскому Кодексу уголовного судопроизводства 1808 г. [Мазюк, 2009; 11, 17], то в России понятие уголовного (судебного преследования) законодатель впервые использовал в кодифицированном уголовно-процессуальном законе, принятом в ходе судебной реформы 1864 г. [Коршунова, 2006; 11]. Некоторые исследователи относят возникновение данного понятия к более раннему периоду, ссылаясь на «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» от 1715 г. [Жук, 2004; 77]. Вместе с тем важно проследить и выявить закономерности, связанные с возникновением у государства стремления к созданию особых властных субъектов, наделенных полномочиями преследовать лица, совершившие общественно опасные деяния. Именно эти предпосылки позволяют по мере их развития оценить, насколько эффективным является уголовное преследование, осуществлявшееся должностными лицами, предшествовавшими учреждению прокуроров, а в дальнейшем и самих прокуроров, роль которых в уголовном судопроизводстве была predetermined, в том числе, и указанными выше обстоятельством.

Образец цитирования:

Жуков Г.К. Зарождение публичного уголовного преследования как одна из предпосылок для учреждения должности прокурора в России // BENEFICIUM. 2020. № 1 (34). С. 57-64. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).57-64.

For citation:

Zhukov G.K. Origin of Public Criminal Prosecution as One of Background for Establishment Prosecutor Position in Russia // BENEFICIUM. 2020. No. 1 (34). pp. 57-64. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2020.1(34).57-64.

вами. Таким образом, можно выявить закономерности, связанные с эволюцией роли прокурора в уголовном процессе.

Следует признать, что возникновение должностного уголовного преследования во многом обусловлено намерением государства обеспечить свою безопасность, противодействовать наиболее опасным с его точки зрения преступным проявлениям – прежде всего, таким, которые посягают на саму государственную власть, на личность правителя или интересы правящих кругов, а также на общественную безопасность, без которой, очевидно, немыслимо нормальное функционирование любого государственного аппарата. Именно поэтому, анализируя древнейшие правовые акты русского государства, можно сделать вывод о попытках властей еще со времен зарождения государственности установить особые процедуры и правила для привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении государственных преступлений и преступлений против общественной безопасности.

Зарождение института уголовного преследования можно проследить с первого отечественного свода законов – Русской Правды, представленной в виде трех редакций IX-XV веков – Краткой, Пространной и Сокращенной [Бердникова, Богунова, 2016]. Данный памятник русского права, по сути, не разделял уголовное и гражданское судопроизводства, устанавливая единые процессуальные правила для разрешения любого рода споров (тяжб). На данном этапе уголовное преследование носит частноисковой характер и возбуждается не иначе как по жалобе (челобитной) потерпевшего, его семьи или рода. Соответственно, функцию обвинения выполнял сам истец, в то время как государственные должностные лица – князь, посадники, наместники, волостели и дворцовые тиуны разрешали дело, выступая судьями [Сергеевич, 2014]. Русская Правда предусмотрела порядок розыска уличенного в преступном деянии лица, а также похищенного им имущества, и формы этой деятельности: «свод» – инициативный розыск потерпевшим преступника, в том числе путем «заклича» (публичного заявления о факте совершения преступления в местах скопления людей), а также «гонение следа», т.е. розыск преступника по следам, оставленным им на месте преступления [Федоров, Шахматов, 2005; 29-33; Серов, Федоров, 2015 (а)]. Обвинитель собирал доказательства и участвовал в поимке обвиняемого. Он сам обязан был позаботиться о доставлении обвиняемого в суд [Познышев, 1913; 21]. Особый порядок применялся в случае совершения убийства, для преследования которого не требовалась жалоба истца, а достаточно было самого факта его совершения. Так, если в верви обнаруживали труп или останки человека, то вервь должна была отыскать преступника или платила дикую виру [Гартунг, 2016; 8]. Обращает на себя внимание тот факт, что в Русской Правде фактически отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за государственные преступления. Вероятно, это связано с тем, что лица, совершившие такие деяния, подвергались уголовной расправе и без особого на то указания в норме писаного права, т.е. в порядке действия правового обычая. Отсутствует и правовая регламентация полномочий должностных лиц по уголовному преследованию виновных. Несмотря на это, отдельные исследователи предпринимали попытку усмотреть должностного обвинителя в такой фигуре как мечник, упоминаемой в Русской Правде [Мстиславский, 1858; 115-119]. Впрочем, несмотря на историчность самой фигуры мечника, археологически добытые принадлежности подтверждают пока лишь фискальную сторону его деятельности [Максимова, 2012; 19-22]. В то же время, именно в указанный период в Древнерусском государстве зарождается уголовное преследование, которое на данном этапе сосредотачивается в руках частных лиц и общин.

С принятием в XIV-XV веках Новгородской и Псковской судных грамот [Гинцбург, 1888] сохраняется состязательная, частноисковая форма судопроизводства, однако, в ней возникают и постепенно усиливаются публичные элементы: возрастают полномочия судебных органов и устанавливается особый порядок уголовного преследования лиц, совершивших преступления против князя [Дудоров, 2014; 13]. Так, согласно положениям Псковской судной грамоты, по некоторым категориям дел – о государственной измене («перевет»), краже в Кромю, поджоге – применялись принципы розыскного (инквизиционного) процесса. Пример такого процесса зафиксирован в Псковской летописи под 1509 г.: «Поймали пономаря троцкого Ивана, а он из ларев денги имал да в той гибели доспел 400 рублей, и псковичи его на вечи казнили кнутьем, и он сказался, и псковичи посадили его на крепость, да того же лета... на Великой реке огнем сожгли его» [Мартысевич, 1951; 79].

Некоторые ученые предпринимают попытку выделить должностное лицо, обладавшее обвинительной властью в правовой системе средневекового Новгорода. Так, В.К. Щечоев, С.В. Ротко, В.Н. Цыганаш называют обвинителем предусмотренного Новгородской судной грамотой участника судопроизводства – докладчика [Щечоев, Ротко, Цыганаш, 2016], что представляется небесспорным, поскольку докладчик, действительно упоминаемый в ст. 6, ст. 20, ст. 26, ст. 29 сохранившегося текста Новгородской судной грамоты, фактически обладал судебными полномочиями и участвовал в вынесении окончательного решения по делу после его предварительного рассмотрения тиунами.

Определенный интерес представляет предусмотренная Белозерской Уставной грамотой (1488 г.) должность сотского. В соответствии со ст. 19 Уставной грамоты сотский являлся не только сборщиком налогов, но и представлял интересы местного населения на суде наместника, ограничивая произвол властей [Алексеев, 1991; 88-91].

По мере становления централизованного российского государства происходит переход от обвинительного типа уголовного судопроизводства к розыскному (инквизиционному). Одним из основных признаков такой модели процесса является возникновение специальных государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Выделение в государственном аппарате таких органов и лиц обусловлено необходимостью борьбы с наиболее опасными преступлениями и обособлением предварительной стадии процесса, которое происходит в середине XVI века [Бозоян, 2014; 16]. Как обоснованно отмечено дореволюционным процессуалистом С.В. Познышевым, сосредотачивая карательную деятельность в своих руках, государственная власть стремилась отчетливо выразить в процессе публичное начало, для государства становится важным преследовать преступника и при отсутствии частного обвинителя [Познышев, 1913; 22].

Первоначально для борьбы с разбоями практикуется направление царями в подчиненные им области своих сыщиков, которые, не имея воинских команд, преследовали разбойников и казнили с помощью местных жителей [Гартунг, 2016; 86]. В ст. 34 Судебника великого князя Иоанна Васильевича (Судебник 1497 г.) фактически впервые появляются нормы, достаточно подробно регламентирующие полномочия должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование от имени князя: розыск преступников и борьба с отдельными видами преступлений возлагается на «недельщиков». Они обязаны были разыскивать преступников («имати») и проводить дознание («пытати»). Закрепляется принципиально новый институт расследования – оговор, который мог быть получен в ходе «повального обыска», являвшегося процедурой массового опроса населения в целях получения сведений об обвиняемом

[Бердникова, Богунова, 2016]. Именно широкое применение этого механизма сбора доказательств ученые связывают с переходом к розыскному типу процесса [Серов, Федоров, 2015 (б)]. В дальнейшем, принятый в 1550 г. Судебник [Бердникова, Богунова, 2016] регламентирует порядок осуществления сыского судопроизводства, при котором преследовались только обвиняемые, захваченные с поличным или «облихованные» на повальном обыске [Стус, 2015]. Данным правовым актом устанавливается компетенция органов, осуществляющих уголовное преследование: Разбойного Приказа (первоначально – Разбойная Изба) и губернских органов, подведомственных ему, которые осуществляли розыск и суд по делам «о ведомых лихих людях». Сыск как особый порядок судопроизводства применялся для разрешения уголовных дел о наиболее тяжких преступлениях, наказуемых смертной казнью: татьба (кража) с поличным, разбой, душегубство, поджог, измена и др. Важнейшее отличие сыского производства от судного, осуществлявшегося Судным приказом, заключалось в порядке возбуждения дела. Если судопроизводство по делам, подведомственным Судному приказу, начиналось исключительно на основании жалобы заинтересованного лица, осуществлялось в форме состязательного процесса и могло завершиться примирением сторон, то при сыском судопроизводстве жалоба пострадавшего не требовалась, и государство само инициировало и осуществляло уголовное преследование виновного лица. Губные старосты, не дожидаясь жалоб и обвинителей, сами «ex officio» обязаны были разыскивать и преследовать татей, разбойников и иных лихих людей [Познышев, 1913; 25]. Также одним из критериев, разделявших обычное и сыское производство, являлся способ дознания – в случае применения пыток дело передавалось для разрешения в Разбойный Приказ. По мере укоренения мысли, что «преследование преступлений есть дело царское» полномочия Разбойного Приказа и его местных губных органов возрастали [Гартунг, 2016; 89]. Полномочия губных старост, связанные с уголовным преследованием, характеризовались «единством компетенции», в процессуальном смысле являлись абсолютными – они и разыскивали виновных, и приговаривали их к наказанию, и исполняли свой приговор [Серов, Федоров, 2015 (б)].

С 1613 г. учреждаются должности воевод, которые наделяются обширными полномочиями по осуществлению уголовного преследования и постепенно к концу XVII века уполномочиваются рассматривать уголовные дела, ранее отнесенные к компетенции губных старост и сыщиков. Учреждение воевод имеет существенное значение, поскольку фактически происходит отход от общинного управления и передача судебных и обвинительных полномочий от представителей местного населения к должностным лицам, тем самым формируется почва для публичного (должностного) уголовного преследования. Воеводы были вправе рассматривать дела о государственных и должностных преступлениях и некоторые из них наделялись полномочиями приговаривать виновных к смертной казни, иные – обязывались согласовывать эти вопросы с Московскими Приказами либо непосредственно с государем. В подчинении воевод находились дьяки и подьячие, которые обеспечивали ведение делопроизводства и играли значительную роль в реализации соответствующих уголовно-процессуальных функций [Гартунг, 2016; 91-93]. Фактически, обладавшие юридическими познаниями дьяки и подьячие направляли деятельность местных судей и следили за тем, чтобы процедуры судопроизводства и выносимые в результате приговоры являлись справедливыми [Коллманн, 2016; 7].

Постепенно обвинительный процесс вытесняется розыскным, и возбуждение преследования в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления при отсутствии

истца, становится общим правилом [Крюков, 2010]. Так, в Соборном уложении 1649 г. нормативно закрепляется то, что функция обвинения по делам о тяжких преступлениях, в том числе повлекших смерть пострадавшего, осуществляется от имени царя, т.е. государством: «А не будет на него (злочинца) в смертном деле челобитчика, по таким делам за мертвых людей бывает истец сам царь» [Котошихин, 1884; 108]. Таким образом, уже в Московском государстве была создана почва для учреждения прокуратуры, однако еще не выработалась идея, способная развиваться в эту организацию публичного уголовного преследования.

Библиография

- Алексеев Ю.Г. Белозерская Уставная грамота и некоторые вопросы социальной политики Ивана III / Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб., 1991. С. 88-97.
- Бердникова С.А., Богунова О.В. Хрестоматия по истории отечественного государства и права XI-XVI веков. Красноярск: СФУ, 2016. 238 с.
- Бозоян А.О. Состояние и тенденции развития следственных органов в России: Диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2014. 219 с.
- Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России, приноровленная к университетскому курсу. Москва, 2016. 206 с.
- Гинцбург А.Б. Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисловием и кратким объяснительным словарем. Сост. канд. прав А.Б. Гинцбургом. СПб., 1888. 41 с.
- Дудоров Т.Д. Возникновение и развитие института уголовного преследования в российском законодательстве до реформы 1864 года // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 12-15.
- Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Законодательство. 2004. № 2. С. 77-87.
- Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования. СПб., 2006. 148 с.
- Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. 196 с.
- Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М.: Норма, 2010. 480 с.
- Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. 216 с.
- Максимова Н.А. Служебное значение мечника Русской Правды (историко-правовое исследование) // Административное право и процесс. 2012. № 8. С. 19-22.
- Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М.: Издательство Московского университета, 1951. 208 с.
- Мстиславский В.В. О поклепной вире, или Понятие об обвинительном процессе по Русской Правде // Русская беседа. 1858. Кн. 11.
- Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. 552 с.
- Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. 329 с.

- Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Москва: Зерцало-М, 2014. 451 с.
- Серов Д.О., Федоров А.В. (а) Следствие в Древнерусском государстве X-XIV вв. // Российский следователь. 2015. № 1. С. 53-56.
- Серов Д.О., Федоров А.В. (б) Следствие в Московском государстве XV - XVII вв. // Российский следователь. 2015. №2. С. 52-56.
- Стус Н.В. «Сыск», «суд» и «розыск» в уголовно-процессуальном законодательстве России XV-XVIII вв. // Юридический мир. 2015. № 4. С. 58-63.
- Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005. 335 с.
- Щечоев В.К., Ротко С.В., Цыганаш В.Н. История, теория, перспективы развития правосудия и альтернативных юридических процедур в России. М.: Проспект, 2016. 308 с.

References

- Alekseev Yu.G. Belozerskaya Ustavnaya gramota i nekotorye voprosy sotsialnoj politiki Ivana III [Belozerskaya Charter and some social policy issues of Ivan III] / Problems of socio-economic history of Russia. To the 100th anniversary of the birth of B.A. Romanov. SPb., 1991. pp. 88-97. (In Russ.)
- Berdnikova S.A. & Bogunova O.V. Chrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava XI-XVI vekov [Book on the History of the State and Law of the 11th-16th centuries]. Krasnoyarsk: SFU, 2016. 238 p. (In Russ.).
- Bozoyan A.O. Sostoyanie i tendentsii razvitiya sledstvennyh organov v Rossii [Status and development trends of investigative authorities in Russia]. The dissertation for the degree of PhD in Law, Moscow, 2014. 219 p. (In Russ.).
- Gartung N. Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva Francii, Anglii, Germanii i Rossii, prinorovlennaya k universitetskomu kursu [History of criminal procedure and judicial organization in France, England, Germany, and Russia, adapted to the university course]. Moscow, 2016. 206 p. (In Russ.).
- Gintsburg A.B. Novgorodskaya i Pskovskaya sudnye gramoty: teksty s predislovиеm i kratkim obyasnitel'nyim slovaryom [Novgorod and Pskov judicial letters: preface and brief explanatory dictionary texts]. Ed. A.B. Gintsburg. SPb., 1888. 41 p. (In Russ.).
- Dudorov T.D. Vozniknovenie i razvitie instiuta ugovnogo presledovaniya v rossijskom zakonodatel'stve do reformy 1864 goda [The establishment and development of the institution of criminal prosecution in Russian legislation before the reform of 1864] // Legal Science. 2014. No. 4. pp. 12-15. (In Russ.).
- Zhuk O.D. O ponyatii i sodержanii funktsii ugovnogo presledovaniya v ugovnom protsesse Rossii [Concept and content of the function of criminal prosecution in the Russian criminal proceedings] // Legislation. 2004. No. 2. pp. 77-87. (In Russ.).
- Kollmann N.Sh. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni. [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. M. Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 616 p. (In Russ.).
- Korshunova O.N. Teoreticheskie i prikladnye problemy ugovnogo presledovaniya [Theoretical and applied problems of prosecution]. SPb., 2006. 148 p. (In Russ.).
- Kotoshihin G.K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich]. SPb., 1884. 196 p. (In Russ.).

- Kryukov V.F. Ugolovnoe presledovanie v dosudebnom proizvodstve: ugolovno-protsessual'nye i nadzornye aspekty deyatelnosti prokurora [Pre-trial prosecution: criminal procedure and supervision of the prosecutor]. M.: Norma, 2010. 480 p. (In Russ.).
- Mazyuk R.V. Institut ugolovnogo presledovaniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [Institute of criminal prosecution in Russian criminal procedure]. M.: Publisher 'Yurlitinform', 2009. 216 p. (In Russ.).
- Maksimova N.A. Significance of a swordsman of the Russian Truth (historical and legal study) // Administrative Law and Process. 2012. No. 8. pp. 19-22. (In Russ.).
- Martysevich I.G. Psovskaya sudnaya gramota. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie [Pskov Judicial Charter. Historical and legal research]. M.: Publishing House of Moscow University, 1951. 208 p. (In Russ.).
- Mstislavskii V.V. O poklepnoi vire, ili Ponyatie ob obvinitel'nom protsesse po Russkoi Pravde [On accusation of murder, or notion of accusation process in Russkaya Pravda] // Russkaya beseda. 1858. Book. 11. (In Russ.).
- Muravyov N.V. Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatelnosti [Prosecutorial supervision. Its structure and activities]. Manual for Prosecution service. M., 1889. 552 p. (In Russ.).
- Poznyshev S.V. Elementarnyi uchebnyk russkogo ugolovnogo protsessa [Basic textbook of Russian criminal procedure]. M., 1913. 329 p. (In Russ.).
- Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. Moscow: Zertsalo-M, 2014. 451 p. (In Russ.).
- Serov D.O. & Fedorov A.V. (a) Investigation in the Old Russian state of the X-XIV centuries // Russian Investigator. 2015. No 1. pp. 53-56. (In Russ.).
- Serov D.O. & Fedorov A.V. (b) Investigation in the Moscow state of the XV-XVII centuries // Russian Investigator. 2015. No 2. pp. 52-56. (In Russ.).
- Stus N.V. 'Search procedure', 'court' and 'detection' in the criminal-procedure legislation of Russia of the XV-XVIII centuries // Juridical Word. 2015. No. 4. pp. 58-63. (In Russ.).
- Fedorov A.V. & Shakhmatov A.V. Pravovoe regulirovanie sodeistviya grazhdan organam, osuschestvlyayuschim operativno-rozysknuyu deyatelnost' [Legal regulation of the assistance of citizens to agencies carrying out investigative activities]. SPb., 2005. 335 p. (In Russ.).
- Tsechoev V.K., Rotko S.V. & Tsyganash V.N. Istoriya, teoriya, perspektivy razvitiya pravosudiya i al'ternativnykh yuridicheskikh procedur v Rossii [History, Theory, Perspectives of Justice and Alternative Legal Procedures in Russia]. M.: Prospect, 2016. 308 p. (In Russ.).

Об авторе / Author

Георгий Константинович Жуков – заместитель начальника уголовного-судебного отдела, Прокуратура Новгородской области, г. Великий Новгород, Россия; соискатель, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия / **Georgiy K. Zhukov** – Deputy Head of the Criminal Division, Public Prosecutor of Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia; External Doctoral Candidate, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Procuracy University of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: Hagen5@yandex.ru.